

СЕХМЕТ

Эда Роудс

18+

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Эда Роудс

Сехмет

«Автор»
2026

Роудс Э.

Сехмет / Э. Роудс — «Автор», 2026

Молодая журналистка Кристин грезит о настоящей криминальное хронике. Её одержимость приводит к просьбе к редактору: начать охоту на Сехмет - неуловимую воровку, годами ускользавшую от полиции и прессы. Расследование приводит Кристин в мир аукционов и тайных сделок: знакомство с владельцем аукционного дома становится первым звено в цепи, которое приводит к загадочному человеку, хранящему опасные секреты. Чем ближе разгадка, тем выше ставки. В погоне за правдой Кристин и её союзник оказываются в ловушке. Под давление обстоятельств наружу всплывает шокирующая правда. И тогда приходит самое страшное: разгадка - внутри неё самой.

© Роудс Э., 2026
© Автор, 2026

Эда Роудс
Сехмет

Ограблен ювелирный дом Вангетеров, Сехмет не смогла пройти мимо браслета стоимостью сто тысяч долларов.

Сехмет объявила "войну" ювелирным домам!

Кристин

Кристин постучала в приоткрытую дверь кабинета Гарода, сжимая в пальцах смятый листок. На нем от руки были набросаны тезисы про ограбление ювелирного дома: время, приметы и даже пара строк про легенду о Сехмет, будто это не просто воровка, а ожившая богиня. Гарод не поднял глаз от кипы бумаг: на его столе громоздились заметки про «Цветочную ярмарку», «Кот, который предсказывает погоду» и «Неделя выставок».

- Гарод, послушай, — голос Кристин прозвучал чуть громче обычного, будто она пыталась перекрыть шум редакции за стеной. — Это же не просто кража. Это стиль, дерзость, история, которая заставит людей покупать газету ради одной статьи. Я могу это сделать. Дай мне шанс.

Гарод наконец оторвался от бумаг, устало потёр переносицу и вздохнул — так, будто тот разговор он уже в сотый раз вёл.

- Кристин, ты знаешь, как у нас всё устроено. Ты отлично пишешь про ярмарки и про то, как бабушки вяжут носки для приюта. Люди это любят. Это наш тираж. А криминальная хроника… там нужен особый подход, и у нас уже есть человек.

Кристин почувствовала, как внутри всё сжалось. Она хотела возразить, сказать, что её заметки про кошек — это не её уровень, что она способна на большее, но слова застряли где-то в горле, смешиваясь с горечью остывшего кофе, который она всё ещё держала в руке.

- Но я уже несколько лет здесь, — тихо, почти шёпотом произнесла она, стараясь не выдать дрожь в голосе. — Я знаю город, знаю, где искать информацию. И сейчас у меня есть зацепка. Сехмет… она не просто воровка. Она не оставляет следы, будто дразнит всех. Я могу найти её.

Гарод откинулся на спинку стула и посмотрел на неё — не зло, скорее с усталой снисходительностью человека, который слишком долго сидит на этом месте и видел уже всех, кто хотел «чего-то большего».

- Я ценю твой энтузиазм, Кристин. Правда. Но пока у нас нет места в криминальной колонке. А вот твои статьи про ярмарки… они приносят нам подписчиков. Не теряй то, что у тебя уже есть.

Он снова уткнулся в бумаги, давая понять, что разговор окончен. Кристин постояла ещё пару секунд, чувствуя, как листок с заметками становится всё тяжелее в её пальцах. Потом медленно опустила руку и, не сказав больше ни слова, вышла, прикрыв за собой дверь.

В коридоре пахло типографской краской и старым деревом. Кристин остановилась у окна, глядя на улицу, где город только начинал просыпаться. Контраст ударил по ней с новой силой: за окном бурлила жизнь, где-то там Сехмет планировала новое дело, а здесь, в этой редакции, её место было среди пирогов, котов и ярмарок.

Кристин застыла у доски с заметками — пальцы сами потянулись к обрывку газеты, где мелким шрифтом мелькнуло: «Джош Роузен возвращается в город». Сердце ёкнуло: Роузен не просто владелец аукционных домов, он — магнит для всех, кто охотится за редкими вещами.

Она снова шагнула к кабинету Гарода, на этот раз без заготовленных фраз — только с одной мыслью: если Сехмет и правда нацелится на аукцион Роузена, упустить это нельзя. Дверь была приоткрыта, внутри Гарод что-то черкал на полях рукописи, хмурясь так, будто каждое слово давалось ему с боем.

- Гарод, — Кристин старалась говорить ровно, но голос всё равно звенел от сдерживаемого волнения. — Джош Роузен возвращается. У него намечается серьёзный аукцион. Не для печати… дай мне просто взять у него интервью. Хоть набросок, хоть пару строк. Но если Сехмет решит ударить именно туда… мы будем первыми.

Гарод поднял глаза, и на секунду в них мелькнуло что-то похожее на интерес — не энтузиазм, но хотя бы привычное «нет». Он отложил ручку, постучал пальцами по краю стола, будто взвешивал не слова, а саму возможность.

- Ты понимаешь, что Роузен — не ярмарочный торговец? Он не раздаёт интервью каждому, кто постучится. И если ты сунешься к нему с намёком на Сехмет, он просто захлопнет дверь перед твоим носом.

Кристин не отступила. Она вытащила из кармана маленький блокнот — там были выписаны даты прошлых аукционов Роузена и заметки о том, какие вещи уходили с молотка.

- Я не буду давить на Сехмет. Скажу, что пишу про возвращение легенды аукционного мира. Про то, как город меняется, когда такие люди возвращаются. Это ведь правда. А если в процессе всплывает что-то про безопасность, про редкие лоты… я просто буду слушать.

Гарод помолчал ещё немного, потом вздохнул — уже не устало, а скорее с оттенком смирения, будто понимал: если она не попробует сейчас, завтра будет просить снова.

- Ладно. Одно интервью. Не для первой полосы, не для криминальной хроники. Просто материал. Если получится что-то стоящее — посмотрим. Но если он тебя выставит за дверь — никаких драм, поняла?

Кристина кивнула, стараясь не выдать, как сильно дрожат пальцы, когда она прячет свой блокнот обратно в карман.

- Поняла.

Дверь за ней закрылась, а в голове уже складывались первые вопросы: какой лот станет главным на аукционе, кто из коллекционеров придёт, и главное — где Сехмет оставит свой след, если всё-таки решится на ограбление. Теперь у Кристин был не просто шанс — у неё была цель.

В редакции шум стоял привычный: кто-то стучал по клавиатуре, кто-то спорил с фотографом, а у кофейного автомата собралась своя компания — именно там Кристин и настигли первые колкости.

- Смотри-ка, наша звезда ярмарок идёт, — хмыкнул Ленни, штатный фотограф, не отрываясь от своего бутерброда. — Кристин, ты сегодня про котов пишешь или про мусорку рядом с парком?

Рядом захихикала стажёр Мира, старательно пряча улыбку за кружкой чая. Кристин только крепче сжала папку с заметками про Роузена — будто эта папка могла служить щитом.

- Да брось, Ленни, — буркнула она, стараясь говорить спокойно. — Сегодня не про котов.

- О-о, — протянул Ленни, театрально округляя глаза. — Переходим на новый уровень? Про ярмарку цветов? Или про то, как вязать носки в ритме вальса?

Кристин уже хотела что-то ответить, но тут из-за соседнего стола высунулся Эдди, который вёл рубрику городских слухов:

- Слышь, Кристин, тут слух пошёл, что ты нацелилась на Роузена. Это твоя типа новая тема: «Как богачи пьют кофе»? Или «Что едят коллекционеры на завтрак»? Если что, я могу подкинуть пару сплетен про его любимую чашку — эксклюзив, только для тебя.

В редакции снова прокатилась волна смешков. Кристин почувствовала, как щёки слегка горят, но не остановилась. Она подошла прямо к столу Эдди и положила перед ним распечатку с датой аукциона.

- Это не про чашку, Эдди. Это про аукцион. И если Сехмет решит его ограбить, я буду там первой. Так что если у тебя есть хоть что-то про охрану или про лоты — дай знать. А шутки про носки оставь на потом.

Эдди на секунду замер, потом медленно приподнял брови:

- Ну гляди…. Ладно, если что, шепну. Но если вместо сенсации выйдет статья «Роузен и его любимый сорт чая» — я первый её распечатаю и повешу на доску «Гордость редакции».

Кристин только усмехнулась — не радостно, а так, будто приняла этот вызов. Она забрала папку и пошла к своему столу, чувствуя на себе взгляды. Пусть смеются. Пусть подтрунивают. Теперь у неё было не просто желание — у неё был план, и она не собиралась от него отказываться.

Джош

Джош отложил папку, но пальцы на мгновение задержались на обложке, будто не желая разрывать эту тонкую нить из фактов и догадок. В комнате витал аромат старой кожи и чернил; за окном город уже окутывали вечерние тени, и в этом полумраке его слова прозвучали особенно весомо.

- Ты думаешь, я боюсь? — Джош едва заметно наклонил голову, не отводя взгляда от помятого листа, который помощник все еще держал в руке. — Нет. Я не боюсь. Она ни разу не посягнула на мои аукционы. И знаешь, что самое поразительное? Не неудача, не случайность… а выбор. Она могла бы сорвать куш здесь — у меня всегда найдется что-то редкое, дорогое, притягательное. Но она проходит мимо.

Помощник замялся, словно собираясь возразить, но вместо этого лишь крепче сжал край листа.

- Тогда зачем вы ее изучаете? Если она не ваша проблема…

Джош наконец поднял глаза — спокойно, без тени напряжения, но с той самой пронзительной внимательностью, от которой у подчиненных всегда становилось не по себе.

- Потому что она — загадка, которую хочется разгадать. Посмотри на это: ни отпечатков, ни зацепок, только сухие факты. А за ними — человек, который двигается так, будто знает город лучше, чем его собственные улицы. Она действует как тень, не оставляет следов, не повторяет ошибок. Это… искусство.

Он снова коснулся папки, на этот раз решительно, словно ставя точку в собственных мыслях.

- И да, она шикарна. Не потому, что грабит, а потому, что делает это безупречно. Если она когда-нибудь решит прийти сюда — я хочу быть готов. Не из страха, а, пожалуй, из уважения.

Помощник медленно кивнул, будто впервые увидел в этих заметках не просто сводку преступлений, а нечто большее. Он аккуратно положил лист на край стола.

- Я все равно удвою посты у хранилища. И проверю камеры на боковых улицах — вдруг «тень» все-таки оставит след.

- Хорошо, — спокойно ответил Джош, снова открывая папку. — Пусть будет так. Но не гонись за ней. Просто будь внимателен. Иногда самое важное — не поймать, а понять.

Джош машинально провел пальцем по краю папки — по привычке, будто проверяя, все ли на месте. В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь далеким гулом города за окном да телефонным звонком.

- Джош Роузен, — он чуть поморщился, словно голос в трубке не вписывался в его вечер, сотканный из сухих фактов и списков украденных вещей.

- Добрый вечер, меня зовут Кристин Харпер, я журналист…

- Добрый вечер, я не даю интервью, Кристин, — произнес он твердо, но без резкости, будто произносил эту фразу уже сотню раз и знал, что за ней последует.

В трубке на секунду стало тихо — не пауза вежливости, а та самая заминка, когда человек решает, отступить или сделать еще один шаг. И Кристин не отступила.

- Понимаю, — её голос прозвучал чуть быстрее, будто она боялась, что он повесит трубку. — Но это не сенсация, мистер Роузен. Я пишу о возвращении крупных игроков, когда такие

имена снова звучат. Всего полчаса. Или даже меньше. Просто пара слов о том, что будет на торгах… Может, о самом ценном лоте. Это поможет людям почувствовать масштаб.

Джош прикрыл глаза на мгновение — не от усталости, а чтобы выстроить в голосе нужную дистанцию. Он знал этот журналистский прием: говорить не о тебе, а о «масштабе», о «городе», будто это снимает напряжение с самого героя. Но в её голосе было что-то еще — не просто выученная интонация, а настоящий интерес, который трудно подделать.

Он снова взглянул на папку. Браслеты, колье, серьги… Сехмет брала только украшения, только бриллианты — будто у нее был свой строгий критерий ценностей. И сейчас, слушая эту настойчивую журналистку, он вдруг поймал себя на мысли: а что, если ценность — это не только караты и проба?

- Вы ведь не про аукционы хотите спросить, — произнес он спокойно, почти констатируя факт. — Вы про Сехмет. Хотите связать возвращение Роузена с ее делом. Это предсказуемо.

Кристин на том конце провода тоже не стала притворяться.

- Да, — ответила она прямо, без оправданий. — Хочу. Потому что это одна история. Вы — тот, кто выставляет на торги самые дорогие вещи. Она — та, кто их забирает. И если она снова выйдет на охоту, ваш аукцион будет самой большой приманкой. Я не прошу раскрывать секреты безопасности. Просто… дайте мне понять, как вы к этому относитесь. Как человек, который столько лет держит аукционы и ни разу не стал ее целью.

Джош медленно откинулся на спинку кресла. Папка осталась лежать перед ним открытой, словно подсказывая: все уже разложено по полочкам, все факты на виду, но вот этого — человеческого отношения — в записях не было. И, возможно, именно это и делало историю живой.

Он помолчал еще несколько секунд, взвешивая слова, а потом неожиданно для самого себя произнес:

- Приходите завтра в десять. Не в офис, а в зал подготовки лотов — там спокойнее. И принесите что-нибудь, кроме стандартных вопросов. Если сможете удивить — поговорим. Если нет — я вернусь к своим бумагам.

На том конце провода послышался тихий, едва уловимый выдох — не триумфальный, а скорее облегченный, как у человека, который наконец-то ухватился за край и теперь боится разжать пальцы.

- Спасибо, мистер Роузен, — быстро сказала Кристин. — Я приду. И я подготовлюсь. Пришлю вам некоторые наброски.

Он положил трубку и снова посмотрел на папку. Теперь в ней будто прибавилось смысла. Сехмет, аукционы, упрямая журналистка — все это вдруг сложилось в одну линию, которую хотелось проследить до конца. Джош закрыл папку, но не убрал ее в ящик. Пусть полежит еще немного. Завтра будет день, когда линии, возможно, пересекутся.

Зал источал аромат лака, старого дерева и едва уловимую нотку пыли, которую никто не решался потревожить в суматохе передвижения вещей. Джош как раз напрягал силы, чтобы сдвинуть массивную раму, когда дверь распахнулась. Он не успел даже обернуться — лишь по сквозняку, по внезапно стихающему шороху собственных шагов понял: она здесь.

Кристин ворвалась, будто опасаясь, что он передумает, и тут же замерла посреди зала, неловко сжимая в руках блокнот и ручку. Мешковатый свитер почти растворял ее в полутени между стеллажами, а очки на носу придавали лицу ту самую серьезность, которая никак не вязалась с ее торопливостью. Она огляделась — быстро, цепко, как человек, ищущий не ракурс для фото, а зацепку.

Джош, наконец, поставил раму ровно, провел ладонью по верхнему краю, проверяя, не дрожит ли, и лишь тогда повернулся.

- Рано, — спокойно произнес он, хотя часы показывали ровно десять.

Кристин моргнула, словно сбрасывая с себя эту спешку, и попыталась улыбнуться. Вышло немного натянуто, но искренне.

- Я… не хотела опаздывать. И не хотела, чтобы вы передумали.

Он чуть приподнял бровь, не отвечая ни «да», ни «нет», и медленно пошел вдоль стеллажа, поправляя мелкие предметы — бронзовую статуэтку, фарфоровую чашку, резную шкатулку. Все двигалось на миллиметры, но зал от этого будто становился другим: собранным, строгим, готовым к взгляду сотен глаз.

- Вы пишете про ярмарки и кошек, — произнес он, не глядя на нее, продолжая выравнивать линию вещей. — И про бабулек, которые вяжут носки. Хорошие тексты. Простые. Людям нравится.

Кристин застыла, услышав это. В голосе Джоша не было насмешки — только констатация, сухая, как строчка в каталоге. Но от этого ей стало даже тяжелее.

- Да, — тихо согласилась она. — Это моя колонка.

- А вчера вы позвонили, чтобы говорить про Сехмет, — он наконец остановился у витрины с брошами и повернулся к ней. — Я читал ваши заметки про нее. Вы собрали все: даты, места, типы украшений. Почти как досье.

Кристин почувствовала, как щеки теплеют, но не опустила взгляд.

- Это не ради сенсации, — сказала она твердо. — Просто… она не просто воровка. Она выбирает. И если она снова выйдет на охоту, ваш аукцион — самое логичное место.

Джош кивнул, будто подтверждая про себя какую-то мысль.

- Логично, — повторил он. — Но логика — это не все. У нее есть стиль. И есть границы. Она ни разу не тронула мои аукционы. И я хочу понять почему. Не как жертва, а как человек, который разбирается в том, как устроена ценность.

Он подошел к витрине и постучал пальцем по стеклу — не сильно, но так, что звук разошелся по залу, как тихий вызов.

- Вот эти броши — редкие. Старые. С историей. Для кого-то это просто бриллианты. Для меня — главы чьей-то жизни. Сехмет берет только украшения. Только бриллианты. Как будто у нее свой критерий. И мне интересно, какие.

Кристин медленно подошла ближе, не пытаясь заглянуть внутрь витрины, а скорее чтобы оказаться на одной линии с ним, чтобы ее голос звучал не как просьба, а как продолжение разговора.

- Мне кажется, я с этим разобралась… — тихо ответила Кристин.

- И как же?

- Я смогла отследить часть вещей, которые она украла, и все они до нее тоже были украдены. А потом стали появляться в частных коллекциях.

Джош замер, будто кто-то резко приглушил звук в зале — и теперь даже шорох пыли казался слишком громким. Он медленно опустил руку, которой собирался поправить край витрины, и посмотрел на Кристин уже не как на журналистку, забежавшую за парой цитат, а как на человека, который только что перевернул страницу в знакомом деле.

- Что значит — «тоже были украдены»? — переспросил он, не повышая голоса, но в нем вдруг появилась та самая твердость, с которой говорят, когда каждое слово должно лечь точно на свое место. — Вы хотите сказать, Сехмет не просто берет дорогое. Она «вырывает» вещи, у которых уже есть темная история.

Кристин кивнула, и в этом движении не было ни бравады, ни желания произвести эффект — только спокойная уверенность человека, который долго копался в архивах, сверял даты, тянул ниточки и наконец увидел узор.

- Да. Я начала с последних ограблений — с браслетов и колье, которые она забрала из галереи на Пятой. Потом стала искать их происхождение. И почти все они всплывали в старых сводках: кражи из частных домов, исчезновения из небольших музеев, дела, которые так и не

раскрыли. Эти вещи годами кочевали по коллекциям, пока не попадали на рынок. А потом — снова исчезали. А теперь их забрала — Сехмет.

Джош медленно отошел от витрины и оперся на край стола, покрытого тонкой тканью — так, чтобы не задеть ничего из лотов. Его взгляд стал отстраненным, будто он не смотрел на Кристин, а видел перед собой цепочку событий, которую раньше не замечал.

- Это меняет дело, — тихо произнес он, скорее себе, чем ей. — Если это правда, то она не просто воровка с хорошим вкусом. Она действует по принципу. У нее есть система. И если она приходит за вещами, которые уже были украдены… значит, мой аукцион может быть для нее не самой привлекательной целью. Мои лоты — из легальных коллекций, с чистыми документами, с историей, которую мы сами восстанавливаем.

Он снова взглянул на Кристин — теперь в его глазах читалось не удивление, а уважение к ее работе.

- Вы проделали серьезную работу. Большинство остановились бы на том, что «Сехмет любит бриллианты». А вы пошли дальше.

Кристин чуть улыбнулась — не широко, а так, будто наконец-то смогла выдохнуть после долгого подъема.

- Я просто хотела понять, зачем она это делает. И когда увидела эту связь… всё встало на свои места. Теперь я понимаю, почему она ни разу не тронула ваши аукционы. Для неё ваши вещи — не добыча.

Джош задумчиво провел пальцем по краю стола, будто проверяя текстуру дерева, и вдруг предложил:

- Покажи мне, что вы нашли. Все эти связи — даты, имена коллекционеров, старые дела. Я знаю людей в антикварном мире, у меня есть доступ к каталогам, которых нет в открытом доступе. Если мы соберем это все вместе, может, получится увидеть всю картину.

Кристин на мгновение замерла, словно боялась поверить, что это не шутка. Потом быстро достала из сумки тонкую папку — потрепанную, с загнутыми уголками, набитую вырезками, распечатками и листиками с ее собственными пометками.

- Здесь не все, — торопливо сказала она. — Но основные линии. Имена, даты, места… Я отметила, где вещи появлялись и где исчезали. И мистер Роузен! Мне понятен мой интерес к Сехмет, а какой ваш?

В воздухе уже витало предвкушение дня — лучи мягко ложились на витрины, подсвечивая очертания лотов. Джош мысленно перебирал планы в голове, потом повернулся к Кристин и сказал:

- Понимаете, дело не в страхе за мой аукцион, — он говорил быстро, но не сбивчиво, а так, будто слова давно сложились в его голове в нужный порядок. — Я ведь столько раз видел образ Сехмет: львиная голова, корона, поза — все по канону, с учебника. А эта… она будто не застывшая, она живая. В ней есть притяжение, как будто она вот-вот повернет голову и заговорит со мной.

Кристин чуть приподняла бровь, и Джош тут же улыбнулся, чуть смущенно.

- Да, звучит как одержимость. Но знаете, теперь, когда вы рассказали мне про вещи, которые она забирает, я не могу сказать “ворует” — все меняет смысл. Через два дня состоится аукцион в моем доме, я бы хотел, чтобы вы присутствовали, конечно, если у вас нет других планов.

- Конечно, я буду, — восторженно произнесла Кристин. — Но у меня есть условие… Я дала вам ответ, почему она это делает, а вы мне в ответ — материал для проработки ее следующих возможных краж.

Джош чуть наклонился вперед, задержал дыхание.

- Согласен, Кристин, — он кивнул, не пытаясь спорить с условием, потому что в нем была своя логика. — Вы даете мне факты про Сехмет, а я вам — картину по остальным игрокам. Справедливо.

Он потянулся к полке, снял потрепанную папку с пометкой "Участники", положил её перед Кристин и присел на край стола.

- У меня тут есть досье на шестерых, кто точно заявится. Есть коллекционер из Каира — скупает все, где есть намек на культовую принадлежность, ради частных выставок. Есть дилер, который берет ради перепродажи в Европу — он холодный, расчетливый, но воровать не станет: ему репутация дороже. А вот третий… — Джош постучал пальцем по листку. — Тот, кто любит "дополнять" коллекции в обход правил. В прошлом году у него в багаже нашли миниатюру, которую он "забыл" оплатить. Официально ничего не доказали, но осадок остался.

Кристин листала страницы, задерживаясь на фотографиях, и Джош не торопил её.

- Я не обещаю, что Сехмет появится, — тихо сказал он. — Но если она здесь, то будет смотреть на этих людей. И если кто-то из них сделает лишнее движение — мы это увидим.

Кристин подняла глаза, и в них мелькнуло то самое спокойствие, которое бывает, когда план наконец обретает форму.

- Хорошо, — повторила Кристин уже тверже. — Будем следить, но если что-то пойдет не так — никаких геройств. Сначала сигнал, потом разбираемся. Договорились?

Джош чуть улыбнулся, будто эта строгость его даже успокоила.

- Договорились. Никаких геройств. Только глаза и записи.

Сехмет

Сехмет выскользнула из ванны, по её коже струились капли воды. Медленно подойдя к зеркалу, она внимательно осмотрела себя, сантиметр за сантиметром. Это была её давняя традиция: омовение перед любым делом. Ванна, наполненная до краёв лепестками роз и сухим молоком. Никакой пены, никаких ароматических масел. Только её тело и её собственный, ничем не замутнённый запах.

Она промокнула кожу шёлковым полотенцем и аккуратно собрала влажные волосы в тугой пучок. Бережно затянула корсет – это придавало ей необъяснимое чувство контроля над телом и уверенности в каждом движении. Кружевное бельё стало неотъемлемой частью её гардероба, частью тщательно выстроенного образа, в который она погружалась, словно актриса, играющая свою роль.

Сехмет задержалась перед зеркалом лишь на мгновение. Не для того, чтобы полюбоваться собой, а чтобы убедиться: ни единого намёка на уязвимость. Причёска была безупречна, ни одна прядь не выбивалась. Корсет и водолазка скрывали каждый изгиб, перчатки сидели плотно, без единой складки. Маска, лежавшая в рюкзаке, ждала своего часа – не как элемент образа, а как инструмент, призванный появиться в нужный момент.

Она чуть наклонила голову, проверяя, не стесняет ли что-то движений, затем опустила взгляд на ботинки. Шнуровка была затянута до предела, чтобы ни один шаг не выдал лишнего шороха. В отражении мелькнуло что-то холодное и собранное: не пустота, а абсолютная сосредоточенность, когда все лишние мысли отсечены, а впереди – только задача. Она открыла шкафчик, достала маленькую фигурку богини Сехмет и аккуратно положила её в бархатный мешочек. Глубокий вдох, выдох.

Тихий щелчок замка, дверь приоткрылась, и коридор поглотил её тень. Ни одного лишнего движения, ни одного взгляда назад. Она уже была там, где должна быть: на пути к новой цели.

Она не любила шумных взломов. Её сила была в терпении и точности. Дом стоял на окраине города – солидный, с кованой оградой и датчиками движения. Сехмет обошла участок по краю лесополосы, где камеры не доставали, и замерла, вбирая в себя тишину района. Дом стоял

тёмный, будто вымерший – ровно такой, каким она его и рассчитывала увидеть. Отсутствие света в окнах было не просто удачей, а подтверждением: хозяин действительно уехал, охрана снята, дом оставлен на попечение датчиков и редких патрулей, которые обходили этот квартал раз в сорок минут. У неё был запас времени. Маска легла на лицо с привычной тяжестью – холодный камень коснулся кожи, и мир сразу стал чуть уже, отсекая всё лишнее.

Она не торопилась. Сначала – ещё один осмотр фасада, беглый взгляд на камеры над парадным и на датчик над боковой дверью. Затем – короткая проверка боковых окон: одно чуть приоткрыто, словно кто-то из прислуги забыл закрыть перед отъездом. Мелочь, но она любила мелочи. Слабое место этого дома – водосточный желоб, который слегка расшатался от ветра. По нему она поднялась на второй этаж, к окну гостевой спальни. Бесшумно приоткрыла створку и скользнула внутрь.

В доме пахло полиролью и лавандой, в коридоре тикали часы. Сехмет замерла на мгновение, прислушиваясь. Она двинулась вдоль стены, избегая скрипучих половиц, которые всегда таились в таких домах. Коридор вывел её к кабинету – именно там, по слухам, стоял сейф.

В рюкзаке тихо звякнуло колье – то самое, которое она собиралась вернуть. Не ради славы и не ради благодарности. Для неё это был долг, замкнутый круг: вещь, которую когда-то выкрали из дома дворянской семьи, должна снова лечь на бархатную подставку в той же комнате.

Сехмет шагнула из тени, двигаясь вдоль стены, почти сливаясь с темнотой. Её шаги были рассчитаны: не быстрее, чем нужно, но и не медленнее. Она знала, что у неё есть ровно двадцать три минуты до следующего патруля. И этого было достаточно.

Сейф оказался массивным, встроенным в стену и прикрытым картиной с морским пейзажем. На панели мигает индикатор – цифровая защита. Но Сехмет знала: владелец любил простые коды, основанные на датах. Она достала компактный детектор, подключила его к панели и запустила алгоритм подбора по шаблонам: дни рождения детей, годовщина свадьбы, дата покупки дома. Через три минуты экран мигнул зелёным – код подошёл.

Замок щёлкнул едва слышно, дверца приоткрылась, и внутри тускло блеснул бархат. Сехмет достала колье – тонкая вязь камней, когда-то бывавшая на приёме у графини, теперь лежала в её ладони, тяжёлая история. Она аккуратно уложила его на привычное место, на мягкую подложку, где оно должно было лежать все эти годы.

Рядом, на маленький столик у сейфа, она поставила фигурку богини Сехмет – небольшую, из тёмного базальта, с львиной головой и строгой осанкой. Это был не знак, не вызов и не насмешка. Просто напоминание: есть вещи, которые нельзя оставлять украденными. Пусть хозяйка возрадуется.

Спускаясь по лестнице, Сехмет держалась ближе к стене, ступени не скрипели под её шагами. На первом этаже она остановилась у поворота, собираясь бесшумно пройти к выходу – и вдруг замерла. В дверном проёме, ведущем в гостиную, лежала тень. Не просто сгусток темноты, а чистая, живая тень, будто кто-то стоял там, не двигаясь, и ждал.

Сехмет не шевельнулась. Маска скрывала её лицо, но глаза сузились, мгновенно оценивая расстояние, возможные пути отхода, слабые места в этой неожиданной встрече. В тишине дома раздался тихий, едва уловимый звук – будто кто-то переступил с ноги на ногу. Тень не исчезла. Кто-то был здесь. И этот кто-то знал, что она пришла.

Она не отступила ни на шаг. Даже когда мужчина вышел из тени, и тусклый свет упал на его резкие черты, Сехмет осталась неподвижной – только пальцы чуть сжались, прячась в складках перчатки.

- Ты так любишь драматические ходы, – он говорил ровно, без насмешки, будто констатировал факт, который давно знал. – Сначала крадёшь, потом возвращаешь. Как будто сама себе судья и палач. Но дом не пуст.

Он остановился в нескольких шагах, не приближаясь вплотную – словно давал ей иллюзию пространства, хотя оба понимали: выхода нет.

- Окно действительно было приоткрыто, – продолжил он, чуть склонив голову. – Но не по забывчивости прислуги. А потому, что я хотел, чтобы ты в это поверила. Когда в Италии пропало колье, и следом всплыли твои "возвращения украденного", пазл сложился быстро. Ты ведь не можешь просто пройти мимо. Это твоя слабость… и твоя сила.

Сехмет наконец чуть приподняла подбородок, и в её голосе прозвучала не паника, а холодная усталость:

- Значит, вы ждали меня. Не ради колье. Ради меня.

Мужчина усмехнулся, но в усмешке не было злорадства – скорее, усталое признание правил её игры.

- Ради нас обоих. Ты вернула вещь, а я просто хотел убедиться, что ты всё ещё играешь по своим правилам. И знаешь что? Я рад, что ты оставила фигурку.

Он сделал ещё один шаг, но не угрожающе – скорее, примиряюще, и протянул руку, не к ней, а к воздуху между ними, будто очерчивая границу.

- Давай не будем делать из этого погоню. У тебя есть пять минут, чтобы рассказать, откуда ты узнала всё про колье и кто его изначально украл. А потом мы решим, как сделать так, чтобы никто не узнал, что ты вообще здесь была.

Лунный свет скользнул по лицу мужчины, высветив усталую складку у рта и тень щетины – он будто не спал несколько ночей, но стоял ровно, без напряжения в плечах. Усмешка Сехмет прозвучала глухо из-под маски, но он едва заметно качнул головой, словно отмахиваясь от её попытки всё превратить в шутку.

- Джош Роузен… вы у нас стали защитником воровок?

- Я не защитник воровок, – спокойно сказал он, не повышая голоса. – Я защитник аукционов. И репутацией людей, которых в них верят. А твоя "новая знакомая"… она не просто владелица колье. Она та, кто годами пыталась доказать, что его украли из-за денег, пыталась вернуть память своей семьи. Я её очень хорошо знаю, и она, как ты понимаешь, доверяет мне полностью, даже ключи от своего дома доверяет мне.

Он чуть отступил в сторону, освобождая проход – давая ей пространство, чтобы Сехмет могла сама решить, как поступить дальше.

- Ты могла оставить колье в любом месте. В ящике почты, в ячейке камеры хранения, даже просто подбросить к её двери. Но ты пришла сюда, вскрыла сейф, поставила фигурку. Это не просто возврат, Сехмет. Это заявление, и я должен понять, кому оно адресовано.

Сехмет застыла на миг, взвешивая, стоит ли срывать маску – и не только ту, что на лице. Потом медленно опустила руку, и в её голосе, всё ещё искажённом камнем и тканью, прозвучало что-то похожее на раздражение, смешанное с облегчением:

- Ты копаешь глубже, чем нужно, Джош. Да, я знала, что она не оставит поиски колье, и да, я хотела, чтобы всё выглядело… правильно. Как восстановление справедливости.

Она сделала ещё один шаг, теперь уже не к нему, а мимо, замерла на границе тени и света.

- Но если ты ждал меня ради объяснений, то у тебя их будет мало. Я знаю, кто украл колье. Знаю, как оно ушло через три перепродажи, прежде чем попало ко мне. Но имя того, кто заказал кражу… я пока не готова назвать. Не потому, что боюсь. А потому, что, если скажу сейчас, вся эта "правильность" рассыпется. А мне это не надо, ещё рано. И твоя репутация, и даже моя нелепая попытка всё исправить.

Джош не пытался её остановить. Он просто кивнул, будто принимая условия, которые она не формулировала вслух.

- Хорошо. Имя пока оставим. Но дай мне цепочку: кто, где и когда. Хоть обрывки. Этого хватит, чтобы перекрыть каналы, пока кто-то не запустил всё по новой. А потом… потом мы решим, что сделать с тем, кто стоял за всем этим.

Он вытащил из кармана небольшой блокнот и ручку, положил их на край столика – не как улику, а как приглашение к разговору.

- Ну нет… так это происходить не будет, я сама решу, когда тебе дать ниточку.

Окно осветили фары патрульной машины. Сехмет замерла у двери, прислушиваясь к нарастающему гулу мотора и бликам фар, скользящим по стенам.

- Вот же, это на пятнадцать минут! – тихо прошипела она.

- Пятнадцать минут — это не вечность, но и не миг. В её голове мгновенно просчитались варианты: чёрный ход, переулок за гаражом, запасной маршрут, проложенный ещё до того, как она вошла в дом.

- Ты улыбаешься, будто это игра, — тихо бросила она, не оборачиваясь. — А у меня тут не квест, Джош.

- Он не стал спорить, только шагнул вперёд, прикрывая её от прямого света, если вдруг патруль решит заглянуть в окно.

- Это не игра, — спокойно сказал он. — Это математика. Пятнадцать минут — значит, у нас есть время на самое главное. И я не прошу тебя рассказывать всю свою жизнь. Только то, что перекроет эти пути. Кто продал колье после кражи? Где была вторая точка перепродажи? Этого хватит, чтобы остановить поток.

Сехмет на секунду прикрыла глаза, прогоняя раздражение. Маска давила, в горле пересохло, но она знала: если сейчас не дать ему хоть что-то, он будет стоять здесь и уговаривать, пока не приедет полиция.

- Я не выдам тебя, — тихо сказал он.

Сехмет знала, что он не выдаст. Не ради благородства, а потому что его внутренний мир держится на доверии, и он не станет его ломать. Она резко выдохнула, сбрасывая напряжение, и кивнула в сторону коридора.

- Ладно. Слушай. После кражи колье ушло не на открытый рынок. Его продали через частного посредника в Вене. Имя я не скажу, но у него есть метка: на внутренней стороне любого изделия он оставляет маленький, почти незаметный полумесяц. Он ставит её на все вещи, которые берёт «на реализацию». Дальше цепочка пошла в Стамбул, оттуда — в частную коллекцию, из которой я потом его и… «приватизировала». Не как благотворительность, а как сделку. И только когда поняла, кто настоящая владелица… вернула.

Джош быстро записывал, не переспрашивая, только иногда кивал, уточняя короткие детали: даты, города, намёки на имена.

- Этого хватит, — тихо сказал он, глядя ей прямо в глаза, туда, где за маской угадывался взгляд. — Я закрою канал. Никто не успеет выставить через него ещё что-то. А остальное… остальное подождёт.

Сехмет наконец расслабила плечи.

- Патруль будет здесь через три минуты. У тебя есть маршрут?

- Есть, — коротко ответила она. — Но я пойду одна. Мне нужно, чтобы ты остался здесь. Если патруль зайдёт — ты объяснишь, что делал в пустом доме.

Джош не стал кричать ей вслед, не рванул следом — он остался стоять там, где стоял: у края коридора, где свет из окна ложился на паркет косым прямоугольником. Когда шаги Сехмет окончательно стихли, он выдохнул, будто сбрасывая напряжение, и только потом сунул руку в карман, сжимая блокнот так, что уголки впились в ладонь.

Он знал: если побежит сейчас, только всё испортит. Она исчезнет, как тень за поворотом, и даже её имя останется загадкой. А ему нужно было хоть что-то — не легенда, не маска, а настоящая ниточка, настоящее имя.

Джош

На следующее утро Джош появился у аукционного дома раньше обычного. Воздух был ещё прохладным, пахло мокрым асфальтом и свежим кофе из соседней кофейни. Он не включал свет в зале, лишь зажёг настольную лампу у своего стола. Сел, положил перед собой тот самый блокнот и уставился на страницы, будто они могли рассказать ему всё.

Через двадцать минут дверь тихо скрипнула — вошла Кристин. Она сразу заметила его лицо: не уставшее, а такое, будто он всю ночь пытался сложить пазл, где не хватало половины деталей.

- Ты выглядишь так, словно пытался удержать воздух в кулаке, — сказала она, снимая шарф. — Что случилось?

Джош чуть наклонил голову, постучал пальцем по обложке блокнота.

- Я видел её сегодня ночью! Она рассказала достаточно, дала мне цепочку перепродаж. Достаточно, чтобы попробовать перекрыть краденые поставки. Сехмет рассказала мне про гравировку на изделиях.

- Это же отлично!

- Но не дала мне главного — кто она. Ни имени, ни даже намёка. Говорит, пока не готова. А я… я не могу просто принять это.

Кристин подошла ближе, оперлась о край стола.

- Может, и не надо. Иногда люди хранят свои имена как последний замок. Особенно если за ними тянется такой след.

- Но я должен знать, — упрямо повторил Джош. — Не для полиции, не для славы. Просто… если я собираюсь держать слово и оставить её в этой истории, мне нужно понимать, с кем я играю. Кто может прийти за ней. Кто уже идёт. Она делает это не ради своей славы или самолюбия, она такая… ты бы видела её. Её движения были уверенные, чёткие и такие плавные. Она точно знает, что делает и для чего.

Кристин помолчала, потом достала из сумки тонкую папку — с материалами, которые она собирала годами. Открыла её на середине, вытащила старую вырезку из европейского каталога, где в углу была едва заметная фотография: женщина в длинном пальто, лицо скрыто полями шляпы.

- Это было три года назад, — тихо сказала Кристин. — В Париже. Там тоже пропала вещь — редкая миниатюра. Её так и не нашли. Но в отчётах мелькнуло имя. Не настоящее, конечно. Псевдоним «Сехмет».

Джош взял вырезку, вгляделся в размытый силуэт.

- Значит, это не первый раз, — пробормотал он. — И не случайность.

- Нет, — подтвердила Кристин. — Это её… миссия. Или наказание. Не знаю. Но одно ясно: она не хочет, чтобы её имя звучало вслух.

Кристин уже взялась за ручку двери, но замерла на полпути — не от удивления, а скорее от того, что в голосе Джоша прозвучало что-то новое: не приказ, а почти просьба, в которой сквозила забота о деталях.

- И не вздумай прийти в джинсах и свитере на аукцион, — бросил он, не поднимая глаз от блокнота, но уголки губ чуть дрогнули. — У меня важный вечер, а не воскресная прогулка. Мне нужно, чтобы ты следила за всеми и чётко вписывалась в окружение.

Кристин медленно повернула голову, приподняв бровь.

- А если я скажу, что именно в джинсах я лучше всего вижу любой подлог, и лучше буду видеть, есть ли там кто-то или гравировка?

- Тогда я скажу, что гравировку пусть проверяет оценщик, а ты будешь рядом со мной — и выглядеть будешь так, чтобы никто не смел усомниться, что ты имеешь право стоять у главного подиума.

Она усмехнулась, покачала головой, но в улыбке мелькнуло что-то тёплое — будто даже нравилось, когда он вот так, по-своему, о ней беспокоится.

- Ладно, — наконец сказала она, чуть склонив голову. — Найду что-нибудь… подходящее. Но без перьев и страз.

- Без перьев, — кивнул Джош. — Но пусть будет подходящий образ, и если надо… Я могу приобрести для тебя наряд.

- Спасибо, но я сама справлюсь.

Дверь тихо закрылась, и вокруг сразу стало тише — будто вместе с ней ушла часть привычного шума, оставив только гул ожидания перед завтрашним вечером.

Джош посидел еще минуту, прислушиваясь к тиканью часов над дверью. Затем резко выпрямился, щелкнул выключателем настольной лампы и прошел в свой кабинет. Там он остановился у стола, где в аккуратных папках были разложены материалы по аукциону, и махнул рукой своему помощнику – молодому парню по имени Стив, который уже тихо сидел в углу, разбирая карточки лотов.

- Стив, – голос Джоша звучал ровно, без спешки, но с той интонацией, после которой лишних вопросов не задают. – Мне нужно всё, что есть на Кристин. Любые упоминания: отчеты, слухи, старые статьи, даже анонимные заметки. Все, где мелькает ее имя. Собери в одну папку к полудню».

Стив чуть приподнялся, пальцы замерли. «Хорошо. А… в каких источниках искать? Интерпол, частные базы?»

- Нет, начни с легальных, все, что не требует взлома, – отрезал Джош. – Если что-то пахнет сомнительно – не трогай. Мне нужны факты, а не теории заговора».

Он сделал паузу, будто взвешивая, стоит ли добавлять еще одно поручение, и все же добавил – тише, почти про себя: «И еще. Добавь немного личного, хочу понять ее. Все, что объясняет, кто она и почему так увлечена Сехмет».

Стив кивнул, быстро защелкал клавишами. «Сделаю. К полудню будет готово».

К полудню папка уже лежала на столе Джоша. Стив молча положил ее рядом с кофейной чашкой, чуть подвинул, чтобы она легла ровно, и, не дожидаясь вопросов, тихо сказал:

- По Кристин – только профессиональное: статьи, записи, хорошая репутация. Тихая и скромная девушка. Она сирота – родители погибли, когда ей было одиннадцать, ограбление. Потом детский дом, позже удочерение. Это было в ее личном деле – я не стал вычеркивать, раз просили все».

Несколько секунд Джош просто смотрел на папку, потом медленно повернул к себе. Открыл на середине, пробежал глазами сухие строки. Взгляд зацепился за «сирота». И вдруг понял ее интерес к делу Сехмет: сирота… убийство родителей, вот и стремление писать криминальную хронику. Ее привычка все держать под контролем, нежелание полагаться на случай, желание узнать правду, почти болезненное внимание к деталям – возможно, все это выросло из ее детства. Из тех десяти лет, когда мир вдруг стал ненадежным, и единственным способом удержаться было знать, как все устроено. Пролистав все вырезки ее статей, Джош медленно закрыл папку и отложил ее в сторону, будто не хотел, чтобы эта личная деталь смешивалась с рабочими заметками.

Он откинулся на спинку кресла, потер пальцами переносицу и тихо пробормотал: «Значит, у каждой своя история. И обе хранят ее так, будто это броня», – пробормотал он себе под нос.

В кабинете Джоша было тихо – настолько тихо, что слышно было, как где-то щелкает реле в системе освещения. Он стоял у высокого зеркала, поправляя узел галстука, но взгляд все равно скользил мимо собственного отражения – к окну, за которым уже сгущался вечерний полумрак, а по фасаду аукционного дома зажигались прожектора, выхватывая из темноты резные карнизы.

Черный костюм сидел идеально – словно вторая кожа. Он бросил взгляд на часы – без десяти семь. Зал уже наполнился, звенели бокалы с шампанским, оценщики тихо переговаривались у витрины. Все шло по плану. Все, кроме одного: он все еще надеялся увидеть в толпе знакомую тень.

Дверь тихо приоткрылась, и в проеме появилась Кристин. Джош обернулся – и на секунду замер, не от удивления, а от того, как правильно она смотрелась здесь, в этом свете, среди тяжелого дерева и бархата. Длинное платье в пол мягко струилось при каждом ее шаге, открытые плечи оттеняли тонкую линию шеи, локоны лежали свободно, но ровно, а с одной стороны прядь была заплетена – так, чтобы не мешала, но оставалась изящной. Вместо привычных очков – контактные линзы; теперь взгляд казался чуть острее, будто ничего не стоило между ней и деталями. А в руке – маленькая потрепанная сумочка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.